

зе восточные элементы появляются в окончательной версии картины. Например, мангуст скорее всего выступает параллелью на полотно «Битва Св. Георгия с драконом». По средневековым текстам, он является противником крокодила и символизирует победу Христа над дьяволом.¹²

Самая интересная деталь – появление фигуры всадника и изменение позы льва на более агрессивную. Лев – не только спутник св. Иеронима, но и символ Св. Марка, покровителя Венецианской республики. Он огрызается на вооруженного «гостя» с Востока на гарцующем коне, олицетворяя конфликт Османской империи и Венеции, затихший в 1503 г., но не оконченный.

Примечания:

¹ Carpaccio: the Major Pictorial Cycles / S. Mason; transl. by A. Ellis. Milano, 2000. P. 110–111.

² L'opera completa del Carpaccio / Presentazione di Manlio Cancogni; Apparati critici e filologici di Guido Perocco. Milano, 1967. P. 97.

³ Brown P. F. Carpaccio's St. Augustine in His Study // Augustine in Iconography: History and Legend / ed. by J. C. Schnaubelt and F. Van Fleteren. New York, 2003. P. 516.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid. P. 516–517.

⁶ Ibid. P. 521.

⁷ Palazzo E. Anachronic Limitations: A Medieval Reflection on the Scuola di San Giorgio degli Schiavoni // Codex Aquilarensis. 2021. № 37. P. 427–447.

⁸ Matino G. Standing at the Threshold: Carpaccio's Saint Matthew Reconsidered // Confraternitas. 2021. Vol. 32, № 1. P. 55–80.

⁹ Matino G. Standing at the Threshold... P. 60.

¹⁰ L'opera completa del Carpaccio... P. 98.

¹¹ Zanlorenzi S. The Scuola Dalmata di San Giorgio e Trifone. A Place for the Dalmatian Community in Venice // Cultural Heritage. Scenarios 2015–2017 / ed by S. Pinton and L. Zagato. Venezia, 2017. P. 578–579.

¹² Физиолог / изд. подгот. Е. И. Ванеева; отв. ред. Л. А. Дмитриев. СПб., 2002. С. 27.

С. С. Таскаева

студент 3 курса

Уральский федеральный университет

им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

(г. Екатеринбург)

ОБРАЗ КОНКИСТАДОРА В ТРУДАХ БАРТОЛОМЕ ДЕ ЛАС КАСАСА

Современные международные отношения переживают новый виток своего развития, на фоне обострения взаимоотношений между странами Востока и Запада наблюдаются определенные сложности в выстраивании межкультурного диалога между европейскими и азиатскими государствами. XXI в. возродил интерес к эпохе колониальных империй. Этот период стал временем, когда неоколониализм приобрел глобальный характер и стал одним из векторов политики ряда европейских государств. В рамках данной темы представляется логичным рассмотрение процесса освоения Нового Света, когда началось одно из масштаб-

ных подобного рода взаимодействий народов и культур в эпоху только зарождающейся глобализации.

На протяжении пятисот лет в историографии отсутствует единое мнение об образе конкистадора в эпоху испанского завоевания. Научное знание поляризовалось на две противоположные точки зрения, представленные в рамках «черной» и «розовой» легенд.

Жестокость завоевателей и их насильственные действия по отношению к коренному населению Нового Света наиболее полно раскрывает один из современников эпохи Великих географических открытий – Бартоломе де Лас Касас. В своих произведениях «Истории Индий» и «Кратчайшем сообщении о разрушении Индий» автор приводит основные аргументы, касающиеся образа «рыцарей удачи», которые можно рассматривать в контексте «черной» легенды о европейских завоевателях Нового света. Однако приводимые им сведения о конкистадорах неоднозначны.

Рассуждая о мотивах убийств, разорении племен, насильственной эксплуатации аборигенов испанцами¹, автор указывает, что большая часть конкистадоров были людьми, обладающими теми же пороками, что и индейцы. Рассматривая последовательность действий аборигенного населения Нового Света и испанцев, автор находит оправдание первым. Автор убежден, что деспотичные действия конкистадоров провоцировали не менее жестокие действия со стороны индейцев: «Индейцы были оскорблены в своих лучших чувствах и преисполнены печали, и имели все основания восстать и убить любого испанца, который попадетя им под руку»². Более того, нередко конкистадоры оказывались гуманнее в своих поступках, чем те племена, которые им приходилось встречать на осваиваемой территории³.

Де Лас Касас отмечает, что одной из главных целей странствий конкистадоров было личное обогащение: «На пути к осуществлению этих целей стояли алчущие все новых и новых земель, золота и рабов конкистадоры»⁴. Однако этому потворствовали сами индейцы, считая испанцев детьми, которых легко ублажить, постоянно откупаясь: «Чем больше посылал Монтесума испанцам золота, настаивая, чтобы они уходили, тем сильнее он разжигал их вожделения, невольно подстрекал их ворваться к нему и отобрать все золото силою»⁵.

Де Лас Касас считал, что не все конкистадоры стремились к убийствам и издевательствам над коренным населением Нового Света. Для испанцев и индейцев в ту эпоху были характерны как военные, так и мирные способы выстраивания взаимоотношений. Например, «между населением островка Саона и испанцами, которые жили в этом порту и городе Санто Доминго, существовали тесные связи и дружба»⁶.

Таким образом, облик конкистадора, отраженный Лас Касасом в его произведениях, не всегда так однозначно негативен, а поступки завоевателей нередко представлены как реакция на действия индейцев. Все это обличает спорность отнесения сведений автора об испанских завоевателях исключительно к «черной» легенде о конкистадорах. Действия завоевателя нельзя рассматривать в отрыве

от политики испанской правящей династии, а также культурных особенностей населения Нового Света.

Примечания:

¹ Лас Касас Б. Кратчайшее сообщение о разрушении Индии / пер. с исп. Е. А. Мелентьевой // Латинская Америка: Голос Лас-Касаса. 1975. URL: https://www.vostlit.info/Texts/rus13/Las_Kasas/kratk_soobsc.phtml?id=794 (дата обращения 16.02. 2023).

² де Лас-Касас Б. История Индии. СПб., 1966. С. 21.

³ Там же. С. 60.

⁴ Там же. С. 24.

⁵ Там же. С. 377.

⁶ Там же. С. 59.

Е. Р. Урюмцев

магистрант 2 года обучения

Новосибирский государственный университет

(г. Новосибирск)

**«MONTJOIE! SAINT DENIS!»: РЫЦАРСКИЕ КОНТИНГЕНТЫ НА
СЛУЖБЕ ФИЛИППА II АВГУСТА (1202–1214 ГГ.)**

Для эпохи Высокого средневековья война являлась повседневной реальностью. Постепенно война как явление замкнулось и монополизировалась рыцарским сословием. Тяжеловооруженные всадники стали незаменимым военным инструментом; массивный таранный удар рыцарской кавалерии стал аргументом, решающим исход большинства сражений. Помимо этого, за рыцарями стояли территории и люди, и по количеству рыцарей стал определяться уровень политических возможностей. Как на поле боя, так и в управлении рыцарь – это главный символ Средних веков, выполняющий значимую социально-политическую и военную функцию.

Несмотря на общий феодальный характер, армия Филиппа Августа имела качественные отличия. Во-первых, после утверждения королевской бюрократии все сведения об армии стали заноситься в описи и акты. Во-вторых, чиновники могли возлагать на себя функции командного состава и руководить, совмещая войну с заботами о снабжении и отчетах. Все это помогало облегчить управление в условиях феодальной анархии.

Главной частью французского войска являлись рыцари. По данным Общего счета доходов короля за 1202 г. в королевской армии числилось 257 рыцарей, принесших оммаж королю. К этому следует добавить феодальные контингенты, собиравшиеся в случае войны и составляющие в 1214 г. порядка 1000 рыцарей в одной армии (*по арьербану*). Со сбором рыцарей ситуация обстоит более сложно. Феодальный принцип гласил помогать королю «всеми силами», однако на деле вассалы предоставляли лишь часть своих войск. Например, герцог Нормандский мог оказать помощь в виде 581 рыцаря, однако королю Франции предоставил лишь треть. Герцогство Бретань из должных 166 рыцарей обеспечила королю лишь 40 и т.д. Кроме того, добиться прихода даже этих ограниченных контингентов было сложной дипломатической задачей. Феодальная служба составляла для